

Н. Долинина

1. Всегда я рад заметить разность Между Онегиным и мной

<...>

Первая страница романа в стихах «Евгений Онегин» — посвящение:

Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя...

Пушкин посвящает «Евгения Онегина» своему другу Плетневу. Есть ли, может ли быть на свете лучший подарок, достойнейший «залог дружбы»? Для Пушкина так высока его дружба, что и этого подарка мало. А «Онегин» — вся его жизнь:

Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

Все вложено в эту книгу: ум, сердце, молодость, мудрая зрелость, минуты радости и горькие часы без сна — вся жизнь прекрасного, гениального и веселого человека. Вот почему я всегда, каждый раз с трепетом открываю страницы, которые прошу вас прочесть вместе со мной.

Кто главный герой романа «Евгений Онегин»? Ответ на этот вопрос кажется вполне ясным: конечно, тот, чьим именем назвал Пушкин свою книгу; конечно, Евгений — кто же еще? Даже Татьяна, даже Ленский играют в романе менее важную роль, а уж тем более Ольга, старики Ларины, соседи-помещики, светские денди, крестьяне. И в школьных учебниках мы читаем: главный герой романа — Евгений Онегин, типичный молодой дворянин начала XIX века. Это, разумеется, правильно: без Онегина и романа бы не было.

Но этот роман не совсем такой, как другие известные нам произведения того же жанра, и не только потому, что он — в стихах. Что-то еще отличает его, скажем, от «Героя нашего времени», или «Рудина», или «Войны и мира». Это «что-то» — постоянное открытое присутствие автора. Он все время здесь, на страницах своей книги. То выглянет из-за плеча героя и улыбнется нам, то поделится своей печалью или радостью, то очень серьезно расскажет о своих мыслях, о своей любви, дружбе, работе...

Вот поэтому для меня главный герой романа — все-таки сам Пушкин. Как бы я ни сочувствовала Онегину, как бы ни любила Татьяну, как бы ни жалела Ленского, для меня самым близким и интересным из всех людей в романе остается автор. И можно попробовать, отвлекшись от привычного школьного представления, прочесть роман про Александра Пушкина.

Начало первой главы «Онегина» мы все знаем наизусть с детства: «Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог...» Речь идет о Евгении: это его дядя заболел, его мыслями (даже заключенными в кавычки) Пушкин начинает роман. И вся первая глава, казалось бы, рассказывает об Онегине: его детстве, юности, привычках, развлечениях, друзьях.

Эпиграф к этой главе: «И жить торопится и чувствовать спешит» (*Князь Вяземский*) — тоже про Онегина, это он «жить торопится»...

Но, если прочесть главу повнимательней, мы увидим, что в ней не один, а два героя: Онегин и Пушкин. Им не только уделено почти равное количество строк, мы узнаем о каждом из них очень много — об авторе почти столько же, сколько о герое. Они

во многом похожи, недаром Пушкин сразу сказал об Онегине: «добрый мой приятель». Но много у них и разного. Трудно, конечно, сравнивать реально жившего великого человека с другим, созданным его фантазией, а мне все-таки каждый раз, когда я читаю роман, думается: насколько же Пушкин ярче, умнее, значительней человека, которого мы называем «типичным представителем» его эпохи!

В то время, когда он начал писать «Онегина», полагалось начинать большое произведение поэзии торжественным вступлением, обращаясь к богам. Так, как начал Гомер свою «Илиаду»:

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...

Или так, как начал Пушкин свою оду «Вольность»:

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?..

Так полагалось. А Пушкин начинает свой роман в стихах совсем иначе. Он берет строчку из знакомой каждому его современнику басни Крылова «Осел и мужик»:

Осел был самых честных правил... —

и переделывает эту строчку по-своему. Сразу, с первой же строки, он смело, весело, молодо бросается в бой против того, что устарело, что мешает развитию литературы, что ему ненавистно: против сковывающих писателя правил и законов — за свободу мысли, свободу творчества. Никого он не боится: ни критиков, ни ученых знатоков, ни даже друзей-писателей, которые тоже могут рассердиться на него за подобное начало.

Итак, роман начинается без всякого вступления — мыслями героя, едущего к больному дяде, которого он не знает и не любит, чтобы

Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же черт возьмет тебя!

Одобрят Пушкин такое поведение Онегина? Пока мы еще не можем ответить на этот вопрос. Но дальше, читая роман, мы все узнаем: и что думает Пушкин об Онегине, и как он смотрит на принятые в свете родственные отношения, и какие люди ему по душе, кого он ненавидит и за что, над чем смеется, что любит, с кем борется...

Уже во второй строфе, знакомя нас с Онегиным, Пушкин напоминает и о себе:

Друзья Людмилы и Руслана!
С героем моего романа
Без предисловий, сей же час
Позвольте познакомить вас...

И дальше — по поводу того, что Онегин «родился на берегах Невы»:

Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня.

Всего несколько строчек сказано о самом поэте, а узнаем мы из них очень многое: поэт жил в Петербурге, но теперь ему нельзя там жить; им написана поэма «Руслан и Людмила», у которой есть друзья, но есть и недруги, об этом известно читателю, знакомому с журналами: ведь вокруг «Руслана и Людмилы» разгорелся литературный бой.

Мы читаем следующие строфы — о воспитании Онегина, о том, что он знал и умел, — и невольно все время сравниваем его с Пушкиным, представляем себе Пушкина. Автор и его герой — люди одного поколения и примерно одного типа воспитания; у обоих были французы-гувернеры; оба провели молодость в петербургском свете; у них общие знако-

мые, друзья. Даже родители их имеют сходство: Сергей Львович Пушкин, как и отец Онегина, «долгами жил... и промотался наконец». Но вот Пушкин сообщает читателю:

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь...

Мы ведь знаем, что Пушкин учился в Лицее — самом серьезном и прогрессивном учебном заведении своего времени. Кто же — «все»? И неужели в слово «мы» Пушкин включает себя, Пущина, Кюхельбекера, Дельвига?

Понимать эти строки можно по-разному. Мне кажется. Пушкин имеет в виду не себя и своих друзей, а тех средних петербургских юношей, с которыми ему не раз приходилось общаться в свете. На их фоне Онегин, конечно, мог «воспитаньем... блеснуть». Сам же Пушкин — другой. С того и начинается отличие автора от героя, что уже в лицейские годы Пушкину было доступно многое, недоступное Онегину. «Высокая страсть» к поэзии, овладевшая Пушкиным и его друзьями еще в детстве, чужда Евгению:

Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.

Лицейское братство, книги, стихи, вольнолюбивые мечты, прекрасная царскосельская природа, романтические увлечения милыми девушками — так прошла юность автора. А герой... В строфах X, XI, XII Пушкин рассказывает о «науке страсти нежной», которую Онегин знал «тверже всех наук»:

Как рано мог он лицемерить...
...Казаться мрачным, изнывать,
Являться гордым и послушным...
... Как он умел казаться новым...

Поэт находит самые точные, самые убедительные слова, чтобы объяснить, как несчастливо воспитали Евгения: чувствовать, страдать, радоваться он не умеет. Зато умеет «лицемерить, казаться, являться»; зато, как многие светские люди, умеет скучать, томиться...

Вот как по-разному воспринимают Пушкин и Онегин, например, театр. Для Пушкина петербургский театр — «волшебный край», о котором он мечтает в ссылке:

Услышу ль вновь я ваши хоры?
Узрю ли русской Терпсихоры
Душой исполненный полет?

А Онегин «входит, идет меж кресел по ногам, двойной лорнет, скосясь, наводит на ложи незнакомых дам...» А Онегин, едва взглянув на сцену «в большом рассеянье», уже «отворотился — и зевнул».

Почему так? Отчего Пушкин умеет радоваться тому, что наскучило, опостылело Онегину? Мы еще придем к ответу на этот вопрос. Сейчас мы вместе с Евгением вернулись из театра и вошли в его кабинет.

Белинский назвал роман Пушкина «энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением». Что такое энциклопедия? Мы привыкли представлять себе при этом слово многотомное справочное издание — и вдруг: тоненькая книжка в стихах! А все-таки Белинский прав: дело в том, что в пушкинском романе сказано так много, так всеобъемлюще о жизни России в начале XIX века, что если бы ничего мы не знали об этой эпохе и только читали «Евгения Онегина» — мы бы все-таки знали многое.

На самом деле, прочтя только двадцать строф, мы уже узнали, как воспитывали молодых дворян, где они гуляли в детстве, куда ездили развлекаться, став взрослыми, что ели и что пили; какие пьесы шли в театре, кто была самая знаменитая балерина и кто самый знаменитый балетмейстер. Теперь нам хочется знать, что покупала за границей и что вывозила за границу Россия XIX века. Пожалуйста: «за лес и сало» ввозились предметы

роскоши: «янтарь на трубках Цареграда, фарфор и бронза... духи в граненом хрустале» и многое другое, необходимое «для забав, ... для неги модной». Хотим узнать, как одевались молодые люди, как шутили, о чем думали и беседовали — скоро мы все это узнаем. Пушкин подробно и точно расскажет обо всем.

Еще один вопрос: почему так много иностранных слов в первой главе? Некоторые даже и написаны латинским шрифтом: Madame, Monsieur l'Abbé, dandy, vale, roast-beef, entrechat... И слова-то из разных языков: французские, английские, латинские, опять английские, французские... Может быть, Пушкину трудно обойтись без этих слов, он слишком привык к ним, всегда употреблял их? Вот в строфе XXVI он и сам пишет:

А вижу я, винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо б меньше мог
Иноплеменными словами...

Когда мы начнем читать вторую, третью и другие главы, то убедимся: Пушкину вовсе не нужны «иноплеменные слова», он превосходно без них обходится. А вот Онегину — нужны. Пушкин умеет говорить по-русски блестяще, остроумно, богато — а герой его говорит светским мешаным языком, где переплетается английский с французским и где не поймешь, какой же язык родной для твоего собеседника. Более того, Пушкин сознательно, нарочно извиняется перед читателем — а вдруг читатель не заметит «иноплеменного» словесного окружения Онегина! Нужно обратить его внимание на эти слова — иначе читатель недостаточно поймет героя. Герой тем временем едет на бал.

Перед померкшими домами
Вдоль сонной улицы рядами
Двойные фонари карет
Веселый изливают свет...

Улица спит. Дома спят. Обыкновенные, простые люди давно уснули. А Онегин и те, кто живет, как он, только еще начинают развлекаться:

Толпа мазуркой занята;
Кругом и шум и теснота...

Но ведь Пушкин тоже любит балы и сам признается в этом:

Люблю я бешеную младость,
И тесноту, и блеск, и радость,
И дам обдуманый наряд;
Люблю их ножки...

Пушкин — молодой, веселый, жизнелюбивый человек. В строфах XXXII и XXXIII он делится с читателем своими чувствами и воспоминаниями:

Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья!
Однако ножка Терпсихоры
Прелестней чем-то для меня...

Такое игривое восприятие женской красоты доступно и Пушкину, и Онегину — так относились к «милым дамам» в свете. Не случайно в строфе XXXII так много иностранных слов (а в следующей — только одно) — здесь и богиня охоты Диана, и богиня цветов Флора, и муза танцев Терпсихора, «ножка» которой вызывает такие воспоминания:

Люблю ее, мой друг Эльвина,
Под длинной скатертью столов,
Весной на мураве лугов,
Зимой на чугуне камина,
На зеркальном паркете зал,
У моря на граните скал.

Это — мир светских обедов, подстриженных парков с «муравой», гостиных, балов; мир, где не любят, а играют в любовь, — мир Онегина. Пушкин тоже живет в этом мире, но он знает и другое отношение к женщине, ему доступна настоящая страсть:

Я помню море пред грозою:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!
Нет, никогда среди пылких дней
Кипящей младости моей
Я не желал с таким мученьем
Лобзать уста молодых Армид,
Иль розы пламенных ланит,
Иль перси, полные томленьем;
Нет, никогда порыв страстей
Так не терзал души моей!

Светская «наука страсти нежной» выражается в мелких словах: «ножка Терпсихоры прелестней чем-то для меня» и т. д. Высокая страсть Пушкина не нуждается ни в переименовании античных богинь, ни в снисходительном «ножка»; она находит слова простые и торжественные: «С любовью лечь к ее ногам!» И не случайно в этой строфе так много старинных славянских слов: чередою, уста, младость, ланиты, перси...

Читаем дальше. Огромный город, столица Российской империи, просыпается на заре:

Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтенка спешит...

Поднимаются люди, у которых есть дело. Им нужно встать утром, чтобы работать, чтобы день не прошел зря. А Онегину некуда торопиться, незачем вскакивать с постели.

Но, шумом бала утомленный
И утро в полночь обратя,
Спокойно спит в тени блаженной
Забав и роскоши дитя.
Проснется за полдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра,
И завтра то же, что вчера.

И вот тут Пушкин задает самый главный вопрос — тот, на который и мы с вами ищем ответа, и после нас люди будут искать: «Но был ли счастлив мой Евгений?»

На первый взгляд, жизнь Онегина очень интересна: развлечения с утра до глубокой ночи, и такие яркие, богатые развлечения: прогулки, беседы с умными людьми, рестораны, театры, балы... Каждому захочется пожить немножко таким образом.

Немножко. Но — всю жизнь? Представьте себе: всегда, каждый день, каждый месяц, каждый год, много лет подряд — одно и то же: прогулки все по тому же бульвару, беседы все с теми же людьми, те же блюда в ресторанах, те же лица на балах — каждый день много лет подряд... Пушкин беспощадно точно определяет эту жизнь: «...однообразна и пестра. И завтра то же, что вчера».

Читая первую главу «Онегина», я всегда вспоминаю начало другой гениальной книги, вижу другого литературного героя: «Ему, видимо, все бывшие в гостиной не только были знакомы, но уж надоели ему так, что и смотреть на них и слушать их ему было очень скучно». На вопрос: «Ну, для чего вы идете на войну?» — этот литературный герой отвечает: «Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здесь — эта жизнь — не по мне!»

Так говорит Андрей Болконский. А он ведь много старше Онегина: в 1805 году, когда начинается действие «Войны и мира», князю Андрею уже под тридцать лет, а девятилетний Онегин в это время еще гуляет по Летнему саду... Так много изменится в жизни России за те пятнадцать лет, что пройдут между первыми страницами «Войны и мира» и «Евгения Онегина»: ведь Евгений едет к дяде весной 1820 года. Так много произойдет в мире за пятнадцать лет: прогремит Отечественная война 1812 года, и пройдут русские войска по Европе, и выплывет зловещая фигура Аракчеева, и Александр I забудет свои либеральные настроения первых лет царствования, и вырастут новые люди: Рылеев, Пестель, Кюхельбекер, Пущин, Пушкин! — и возникнут новые, опасные для царя настроения — только свет петербургский останется тем же, по-прежнему «однообразна и пестра» будет его жизнь... И как Андрею Болконскому в 1805 году, так другому умному, незаурядному человеку — Евгению Онегину — тошно станет в этом свете в 1820 году, и он подумает про себя: «Эта жизнь — не по мне!» — и будет искать, мучиться, страдать: куда уйти, что делать, чем заполнить жизнь?!

Вот что, оказывается, привлекает Пушкина в Онегине: его неудовлетворенность той жизнью, которая удовлетворяет многих и многих людей света. Мы хорошо знаем этих людей по книгам. Скалозуб, Фамусов, всякие графини-внучки и княжны-дочки, Загорецкий, Репетилов, Наталья Дмитриевна... Берг и Борис Друбецкой, Ипполит Курагин и Анна Павловна Шерер... Все эти люди вполне довольны своим уделом, своей жизнью в свете, все они считают себя счастливыми.

Онегин не таков. Ведь не случайно Пушкин сразу, в самом начале романа, назвал его своим приятелем, не случайно свел в ресторане с Кавериным, а потом сравнил с Чаадаевым — умнейшим человеком пушкинской поры! Правда, с Чаадаевым Онегина сближает только умение модно и красиво одеваться — но все равно: не стал бы Пушкин зря, просто так, вводить в роман имена своих друзей! Что же это значит?

Пушкин задал очень важный вопрос: «Но был ли счастлив мой Евгений?» Отвечает он твердо:

Нет: рано чувства в нем остыли;
Ему наскучил света шум;
Красавицы недолго были
Предмет его привычных дум;
Измены утомить успели;
Друзья и дружба надоели...

«Друзья и дружба надоели» — кто пишет эти слова? Неужели Пушкин? Тот Пушкин, который мальчиком еще сказал:

...Где б ни был я: в огне ли смертной битвы,
При мирных ли брегах родимого ручья,
Святому братству верен я..?

Тот Пушкин, который Пущину писал: «Мой первый друг, мой друг бесценный», а Кюхельбекеру: «Мой брат родной по музе, по судьбам»? Тот Пушкин, чьи слова:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен... —

мы до сих пор повторяем с волнением и после нас будут повторять так же?

Чем чаще перечитываешь «Онегина», тем тверже убеждаешься: целой жизни не хватит, чтобы передумать, понять, вобрать в себя все, что вложено в эту тоненькую книжку. Вот, например, слова — наши обычные русские слова имеют очень много значений: смысл их зависит от того, кто их произносит, что в них вкладывается... Можно целую жизнь прожить — и так и не открыть для себя подлинного значения слова «дружба», так и считать своими друзьями просто приятных знакомых, с которыми, в общем-то, ничто серьезное тебя не связывает и которые потому легко надоедают. Так вот и жил Онегин. Конечно, он умнее, глубже, честнее Молчалиных и Бергов — потому-то мир этих людей

надоел ему. Но ведь Онегин встречал в свете Каверина, Чаадаева, Пушкина — что мешало ему сблизиться с этими людьми?

А мешало, оказывается, многое. То, что Онегин несчастлив, не вина его, а беда. Ему живется трудно:

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому *сплину*,
Короче: русская *хандра*
Им овладела понемногу;
Он застрелиться, слава богу,
Попробовать не захотел,
Но к жизни вовсе охладел.

Евгений не сразу примирился с горьким своим разочарованием, с ощущением своей ненужности:

Онегин дома заперся,
Зевая, за перо взялся,
Хотел писать, — но труд упорный
Ему был тошен; ничего
Не вышло из пера его,
И не попал он в цех задорный
Людей, о коих не сужу,
Затем, что к ним принадлежу.

Не может и не умеет Онегин того, что умеет и может Пушкин: «задорный цех» поэтов — не для него, и дело не только в том, что у Пушкина есть талант, а у Онегина — нету. Ведь Евгений даже книги читать не способен:

Отрядом книг уставил полку,
Читал, читал, — а все без толку;
Там скука, там обман иль бред;
В том совести, в том смысла нет...

Беда Онегина в том, что «труд упорный ему был тошен». В нем живы ум, совесть, мечтания, но нет у него способности действовать, быть активным, трудиться, верить людям — той самой способности, которой, наперекор своему веку, обладали Пушкин и его друзья.

Пушкин, Чаадаев, Онегин, Чацкий, Молчалин, Борис Друбецкой, Пьер Безухов, Рылеев, Кюхельбекер, Репетилов, Петя Ростов, Грибоедов — все это люди примерно одного поколения. (Примерно — потому, что точный ровесник Онегина — один Петя Ростов; Пушкин и Кюхельбекер моложе, остальные — старше.) Но это именно и есть то поколение, которое сформировалось в первые годы царствования Александра I, — годы, наполненные либеральными обещаниями и относительной свободой после тирании Павла I. Это поколение приняло на свои плечи войну 1812 года и дало России декабристов. Почему же люди этого поколения — и реальные исторические лица, и литературные персонажи — почему они такие разные?

Мы и сейчас часто говорим о поколении в целом, совсем не учитывая того, что каждая возрастная группа людей вовсе не одинакова, что в каждом поколении есть свои борцы и мыслители, герои и философы, трусы и подлецы, карьеристы и стяжатели; есть свои яркие, выдающиеся личности — по ним-то мы чаще всего и судим обо всем поколении.

Но рядом с Чацким стоит Репетилов — пустой болтун, унижающий то дело, которому служит Чацкий. И Молчалин — сверстник Чацкого, а в то же время — враг его, может быть, опаснейший. И рядом с Пьером Безуховым живет Николай Ростов — милый, добрый человек, средний помещик; он искренне любит Пьера и все же, не колеблясь, обещает пойти против него с пушками, если Аракчеев пошлет...

Это — полюсы поколения, крайние точки. Онегин не стоит ни на одном из полюсов. Он умен и честен настолько, чтобы не довольствоваться жизненными идеалами Берга или Бориса Друбецкого, чтобы не жить, как Молчалин и даже как Николай Ростов; но у него нет той силы личности, которая помогла бы ему выбрать свой путь.

Так что же в таком случае привлекает Пушкина в Онегине? Только его неудовлетворенность светскими буднями? Или еще что-то? Ответ на этот вопрос дан в строфе XLV:

Мечтам невольная преданность,
Неподражательная странность
И резкий, охлажденный ум.

Для меня главное в этом сжатом рассказе о характере Онегина — «мечтам невольная преданность». Каким мечтам? О чем может мечтать человек, все испробовавший и ничего для себя не нашедший?

Может быть, именно из-за этой преданности мечтам Онегин «застрелиться, слава богу, попробовать не захотел». Он все-таки надеялся, все-таки верил, что есть какая-то другая жизнь — не та, которой живут Друбецкие и Скалозубы, — пусть еще недоступная ему, но должна же она быть! Эту веру, эту надежду и ценит в нем Пушкин, а к разочарованности своего героя поэт относится сочувственно, но в то же время с иронией.

Строфа XLVI кажется, на первый взгляд, очень понятной:

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей;
Кто чувствовал, того тревожит
Призрак невозвратимых дней;
Тому уж нет очарований,
Того змия воспоминаний,
Того раскаянье грызет... —

все это написано без кавычек, очень серьезно, и неискушенный читатель совсем уж начинает думать, что сам Пушкин «не может в душе не презирать людей», но вдруг видит следующие строки:

...Все это часто придает
Большую прелесть разговору.
Сперва Онегина язык
Меня смущал; но я привык
К его язвительному спору,
И к шутке, с желчью пополам,
И к злости мрачных эпиграмм.

Мы еще много раз увидим: «Онегина» нельзя читать бездумно — запутаешься. Пушкин многое говорит не прямо, не в лоб; он верит уму и догадливости читателя, ждет серьезного отношения к своим стихам. Вот и здесь вся первая половина строфы — это слова Онегина, привычные, уже стершиеся слова, много раз им повторявшиеся, о презрении к людям, о том, что «нет очарований», — а Пушкин тонко и мудро иронизирует над этими фразами Онегина: «Все это часто придает большую прелесть разговору» — и только! Все эти мрачные речи Онегина несерьезны для Пушкина, он-то знает другое: и люди бывают разные, и очарования в жизни есть всегда, надо уметь их найти — вот в чем задача!

Пушкину ведь очень нелегко жить — гораздо труднее, чем Онегину. Вот они бродят вдвоем по набережной — один разочарован в жизни, нет у него ни друзей, ни любви, ни творчества, ни радости; у другого есть все это, но нет свободы — его высылают из Петербурга, он не принадлежит сам себе... Онегин свободен, но зачем ему свобода? Он томится и с ней, как без нее, он несчастлив, потому что не умеет жить той жизнью, какой живет Пушкин. А Пушкин счастлив все равно, даже лишенный свободы, даже высланный из Петербурга: он умеет так много — и мечтать, и любить, и работать!

Онегину ничего не надо — и в этом его трагедия. Вот он получил наследство от отца — и предоставил его заимодавцам, «большой потери в том не видя». Вот он приезжает в доставшееся ему после смерти дяди имение:

Два дня ему казались новы
Уединенные поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихого ручья;
На третий роща, холм и поле
Его не занимали боле;
Потом уж наводили сон...

Это Пушкин так видит: «уединенные поля, прохлада сумрачной дубровы, журчанье тихого ручья...» Это для Пушкина «роща, холм и поле» — ценности громадные, а Онегину все равно, он ясно видит, «что и в деревне скука та же»...

Мы приближаемся к концу первой главы. Состоялось наше знакомство с автором романа и с его героем. По возрасту Пушкин моложе Онегина. Но поэт — незаурядная личность, человек яркий, талантливый; естественно, что он более мудр, чем Евгений, что внутренний мир его более глубок. Духовные поиски, метания и потери Онегина знакомы Пушкину, он прошел через разочарование, хандру, опустошенность — и преодолел эти «болезни века». При всей симпатии автора к герою, при общем воспитании, общем для обоих недовольстве миром, в котором они живут, между Пушкиным и Онегиным есть громадная разница: они по-разному воспринимают жизнь и людей. Читая роман дальше, мы увидим, как много бед принесли Евгению его холодность, его равнодушие к людям, и тоска, и опустошенность...

Конечно, когда мы говорим об Онегине, мы не можем не учитывать и не обвинять сформировавшую его среду, его век, его окружение — они отняли у Евгения умение любить жизнь и наслаждаться ею. Но я, сегодняшней читатель, думаю о сегодняшнем дне, когда читаю Пушкина. Ведь и сегодня есть молодые люди, которым постоянно скучно, потому что не умеют они наслаждаться многими радостями жизни, не хотят научиться тому, что великолепно умел Пушкин:

Я был рожден для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
В глуши звучнее голос лирный,
Живее творческие сны...
...Цветы, любовь, деревня, праздность,
Поля! я предан вам душой...

Цветы, любовь, деревня — понятно, что всему этому можно быть преданным душой. Но праздность? Ведь именно она опостылила Онегину, от нее бежал он из Петербурга. Как же ею может дорожить Пушкин?

Праздность, как и деятельность, бывает разная. Томительное безделье Онегина не имеет ничего общего с праздностью, знакомой Пушкину, — когда одинокие прогулки или часы, проведенные в сумерках у камина, наполнены мыслями, работой воображения, ума и сердца.

Когда душа человека пуста, ему тоскливо и скучно наедине с самим собой. В наше время на помощь такому человеку приходит техника: магнитофон, телевизор... Но ведь все это может так же надоесть, как надоели Онегину балы и карты. Спасает от тоски только душевная наполненность, богатство внутренней жизни — в нее входит и наслаждение природой, и «роскошь человеческого общения» (так говорил Экзюпери), и просто умение думать.

Конечно, жизнь яркого, думающего, значительного человека тоже не состоит из одного блаженства. Пушкин не хуже своего героя знал приступы грусти, отчаяния, тоски. Но он умел преодолеть их, победить.

Прошла любовь, явилась муза,
И прояснился темный ум...
...Погасший пепел уж не вспыхнет,
Я все грущу, но слез уж нет,
И скоро, скоро бури след
В душе моей совсем утихнет;
Тогда-то я начну писать
Поэму песен в двадцать пять.

Есть у человека выход из любого, самого трагического положения. Всегда остается с нами природа, всегда остаются друзья — если они настоящие, остается наш труд — если мы научили себя находить в нем радость. А это уже так много, так бесконечно много...

Пушкин кончает главу шутивно:

...Покамест моего романа
Я кончил первую главу;
Пересмотрел все это строго;
Противоречий очень много,
Но их исправить не хочу.
Цензуре долг свой заплачу
И журналистам на съеденье
Плоды трудов моих отдам;
Иди же к невским берегам,
Новорожденное творенье,
И заслужи мне славы дань:
Кривые толки, шум и брань!

Но в этой шутивной концовке заложен глубокий и серьезный смысл. «Противоречий очень много» — так должны были оценить труд Пушкина литературные противники. А он мужественно шел навстречу «кривым толкам, шуму и брани»; он строил новую литературу, а было ему, когда он кончил первую главу, двадцать пять лет!